

Кедров Николай Иванович

**Литовский митрополит
Иосиф Семашко и его
деятельность по
воссоединению униатов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Иванович К.**
Литовский митрополит Иосиф Семашко и его деятельность по воссоединению
униатов / Кедров Николай Иванович – М.: Книга по Требованию, 2022. –
67 с.

ISBN 978-5-519-88798-4

ISBN 978-5-519-88798-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

все это совершилось по инициативѣ его сына, воскликнулъ: „видно не даромъ родился онъ въ тотъ же день, что Иисусъ Христосъ... должна быть правда на его сторонѣ“, и самъ покорился православной церкви. Въ Павловѣ, на мѣстѣ родины митрополита, сперва дѣдъ его Тимошей Свмашко, а потомъ съ 1811 г. отецъ, Іосифъ же, преемственно проходили должность приходскихъ священниковъ при мѣстной уніатской церкви. Оба эти священники далеко не раздѣляли тогдашнихъ воззрѣній своихъ собратовъ относительно православной церкви. О своемъ отцѣ митрополитъ прямо заявляетъ, что онъ „чуждъ былъ предубѣжденій противъ православія“, даже иногда посѣщалъ мѣстную православную церковь; сына же своего (т.-е. Іосифа) до двѣнадцатилѣтняго возраста *всегда* посылалъ къ службамъ въ православную церковь, и непремѣнно требовалъ по возвращеніи его изъ храма передать содержаніе читаннаго Евангелія и апостола. Естественно, что эти первыя впечатлѣнія дѣтства глубоко запали въ душу и безъ того впечатлительнаго мальчика и сроднили его „и сердцемъ и душою“ съ православною церковію, такъ что впоследствии, когда стали его возить въ латинскій костелъ (по недостатку въ той странѣ уніатскихъ церквей), ему все казалось въ немъ страннымъ, и самое богослуженіе здѣсь походило скорѣе по его словамъ на „комедію, нежели на молитву“. Подъ вліяніемъ тѣхъ же впечатлѣній дѣтства въ будущемъ іерархѣ православной церкви — воспиталась любовь и приверженность къ Россіи и всему русскому. Первые годы жизни его, проведенные среди народа, въ продолженіе двухъ вѣковъ кровавою борьбою защищавшаго свою вѣру и народность, страшные рассказы этого народа о своихъ притѣснителяхъ — легли тяжелымъ бременемъ на душу ребенка, вселили въ него глубокое отвращеніе ко всему польскому и возбудили наоборотъ сочувствіе къ Россіи. Видъ стройныхъ русскихъ войскъ, нерѣдко проходившихъ въ то время чрезъ Малороссію, ласки офицеровъ, рассказы служивыхъ и ихъ пѣсни — заставляли сильно биться сердце мальчика Іосифа и внушали ему высокое понятіе о Россіи. Съ высокою похвалою отзывался онъ о своихъ родителяхъ. „Мы (дѣти), говоритъ онъ, никогда не видѣли въ нихъ ничего предосудительнаго: благочестіе, честность, благонравіе — всегда представлялись глазамъ нашимъ. Отецъ берегъ насъ съ крайнимъ стараніемъ отъ виш-

нихъ дурныхъ впечатлѣній и примѣровъ“. Несмотря на скудость матеріальныхъ средствъ родителей, „тянувшихся для своихъ дѣтей изъ послѣдняго, работавшихъ вмѣсто работника и работницы“ въ домъ былъ приглашенъ для обученія дѣтей учитель „добрый старикъ — Бочковскій, православнаго духовнаго званія“. Подъ руководствомъ этого педагога и родителя, иногда удѣлявшаго отъ хозяйственныхъ занятій время и для сына, Иосифъ такъ хорошо былъ подготовленъ дома, что когда опредѣлили его въ 1-й классъ Немеровскихъ училищъ, учителя послѣднихъ нерѣдко призывали его во 2-й классъ „высшій“, дабы удовлетворительными отвѣтами его *пристыдить* учениковъ этого послѣдняго класса.

У родителя Иосифа была небольшая собственная библіотека по преимуществу историческаго содержанія. Въ свободное отъ занятій время мальчикъ очень любилъ читать, и къ 10-ти годамъ онъ уже зналъ „почти наизусть“ римскую исторію въ двухъ томахъ, и англійскую въ трехъ, а Священное Писаніе, особенно историческую часть онаго „нечего грѣха таить, въ десять лѣтъ, говоритъ онъ я зналъ лучше, нежели нынѣ“, т.-е. когда былъ уже митрополитомъ.

Въ сентябрѣ 1809 г. Иосифа отвезли въ Немеровскія гимназіальныя училища. Низкій уровень учебнаго дѣла въ школахъ того времени былъ всецѣло присущъ и этимъ училищамъ, и къ познаніямъ будущаго іерарха православной церкви, которыя вынесъ онъ изъ родительскаго дома, едва ли что прибавилось въ этой школѣ. Какъ только учителя замѣтили способнаго и хорошо подготовленнаго мальчика, то одинъ назначаетъ уже его auditor-омъ auditorum, другой же бывало скажетъ: „слушай Сѣмашко“ и самъ отирается въ сѣни, гдѣ все время урока проводить въ шумномъ разговорѣ съ другими учителями; къ концу же урока является въ классъ и говоритъ, чтобы къ будущему уроку приготовили „съ этого мѣста—по это“. Такъ дѣлалось даже по такимъ предметамъ, какъ по географіи и арифметикѣ, „Я выручалъ, какъ могъ, пишетъ митрополитъ, моего учителя въ арифметикѣ, а въ географіи, если вспомню частыя его грубыя ошибки, подумаю иногда: прости Господи, что я зналъ въ ней больше толку, нежели онъ“! Но не смотря на хорошія познанія мальчика, существенно помогавшаго своимъ

учителямъ, эти послѣдніе мало отличали его, сажали на заднюю скамью и грубо обращались съ нимъ. Причиною этого было то, что кто былъ побогаче изъ учениковъ, тотъ пристраивался на хлѣба къ кому-либо изъ учителей. Эти то „конвиктуры“ всегда и пользовались у учителей особеннымъ отличіемъ и снисхожденіемъ. Само собою разумѣется, какъ сильно должно было возмущаться дѣтское сердце хорошихъ учениковъ этимъ несправедливымъ предпочтеніемъ. Но вотъ на 5 или 6-й годъ пребыванія Іосифа въ Немеровѣ прпшло предписаніе изъ Виленскаго унпверситета, чтобы „ученики сѣдѣли на скамьяхъ по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію“. Чтоже вышло? 6 — уніатскихъ поповичей сѣли на 1-ю скамью, Іосифъ Сѣмашко занялъ 1-е мѣсто въ классѣ, а богатенькіе польскіе баричи подвинулись далеко на заднія! Въ іюнѣ 1816 г. Іосифъ окончилъ курсъ наукъ въ Немеровѣ первымъ ученикомъ и получилъ отличный аттестатъ. До самаго окончанія курса въ Немеровѣ отецъ Іосифа не думалъ относительно будущности своего сына. Одинъ дальній родственникъ присовѣтовалъ ему отдать юношу въ главную семинарію при Виленскомъ университетѣ. Такъ и было сдѣлано. Въ августѣ 1816 г. Іосифъ поступилъ въ семинарію, гдѣ и проучился четыре года. Начальство и профессора семинаріи учили и обходились съ воспитанниками гораздо лучше, чѣмъ въ Немеровѣ, „Но кажется, говоритъ Сѣмашко, подобныя отношенія ихъ къ греко-уніатскимъ воспитанникамъ были рассчитанныя на то, чтобы привязать сердца ихъ къ римской церкви“. Съ этою цѣлію профессора громили съ своихъ кафедръ богатыхъ папскихъ прелатовъ, ратовали противъ разныхъ злоупотребленій папской власти и рассказывали про нее то, что нпкогда ни въ одной православной академіи не слышаютъ воспитанники отъ своихъ преподавателей!

Но всѣ эти картины папства по словамъ митрополита заставляли его еще болѣе сторониться отъ римской церкви. Что же касается до полонизма, то онъ былъ не особенно оцутителенъ для главной Виленской семинаріи, но тѣмъ не менѣе въ этой послѣдней запрещалось воспитанникамъ читать *русскія* книги. „Однажды, рассказываетъ митрополитъ, я съ товарищемъ своимъ Антоніемъ Зубко досталъ номерокъ стариннаго русскаго журнала „Улей“ и сталъ читать его вдвоемъ до прихода въ

классъ профессора. Вдругъ *святскіе ученики* университета увидали это и начали кричать: Развѣ такіе намъ нужны священники!... которые забываютъ мать Польшу... которые сочувствуютъ Россіи... И наши чтецы должны были поскорѣе припрятать свой журналецъ! Наконецъ въ 1820 г., будущій дѣятель православія доблестно окончилъ курсъ наукъ со степенію магистра богословія. Теперь наступила совершенно новая жизнь для Іосифа; онъ долженъ былъ избрать себѣ какое-либо поприще. Ближайшее къ этому было конечно—поступить по примѣру своихъ родичей въ духовное званіе греко-уніатской церкви. Поэтому пѣз Вильны Іосифъ явился къ своему преосвященному, луцкому епископу Іакову Мартусевичу. Послѣдній, какъ только увидѣлъ 21-лѣтняго магистра, сталъ склонять его къ рукоположенію во священство *неженатымъ* (это водилось часто между уніатами по подражанію римлянамъ), хотя Іосифъ вовсе и не настаивалъ на женитбѣ: какъ только Іаковъ узналъ его мысли относительно этого предмета, то ни мало не медля рукоположилъ его въ иподіакона, а вскорѣ во діакона, чтобы этимъ пресѣчь всякое поползновеніе его къ женитбѣ; въ томъ же году епископъ опредѣлилъ Іосифа засѣдателемъ Луцкой консисторіи и сверхъ того сдѣлалъ его еще наставникомъ приготовляемыхъ къ рукоположенію, въ каковыхъ должностяхъ Сѣмашко пробылъ два года. Занятія по консисторіи были полезны для Іосифа въ томъ отношеніи, что еще ближе познакомили его съ уніатскою церковію, ея бѣдственнымъ положеніемъ между православною и римско-католическою церковію. Первая естественно нападала на уніатовъ, какъ на своихъ отщепенцевъ, враговъ, но послѣдняя оказывала дружбу и подъ видомъ этого обманывала ее всячески—и вотъ Іосифъ спрашивалъ себя: первые враги уніатовъ и не безъ повода, но за чтоже ихъ обижаютъ друзья?

Высшее управленіе римско-католическою и уніатскою церковію въ Россіи находилось тогда въ Петербургѣ въ особой коллегіи, раздѣленной на два департамента (по римско-католическимъ дѣламъ и уніатскимъ). Въ члены департаментовъ этихъ коллегій избирались мѣстными преосвященными или капитулами отъ каждой епархіи по одному лицу срокомъ на 3 года. Въ 1822 г., вышелъ срокъ члену изъ Луцкой епархіи; луцкій епископъ Мартусевичъ избралъ на его мѣсто Іосифа Сѣмашко.

Еще по дорогѣ въ Петербургъ Іосифъ, проѣзжая Псковскою губерніею, былъ пораженъ многочисленностью и опрятнымъ видомъ православныхъ церквей этого края и здѣсь невольно вспомнилъ про свой литовскій край, который бѣдностію своихъ церквей представлялъ рѣзкій контрастъ церквамъ Великороссіи. Но каково же было удивленіе молодого уніата по пріѣздѣ въ столицу, когда увидалъ онъ въ ней „великолѣпные храмы, прекрасное въ нихъ богослуженіе, съ отличнымъ пѣніемъ, стеченіе и благоговѣйное стояніе многочисленнаго народа“! И вотъ снова возродились въ душѣ Іосифа во всей своей силѣ впечатлѣнія дѣтства, когда онъ хаживалъ бывало неопустительно въ свой мѣстный православный храмъ. „Съ того времени, говоритъ онъ, я сердцемъ примѣнился къ церкви православной и часто, весьма часто, въ сюртукѣ, въ чплѣ мірянъ посѣщалъ православныя церкви вмѣсто скудной бесѣдки, гдѣ отиравлялось уніатское богослуженіе, и вмѣсто латинскаго костела, гдѣ музыка представляла мнѣ скорѣе театральное зрѣлище, нежели церковное богослуженіе“. Занявъ немаловажный постъ въ департаментѣ греко-уніатскихъ дѣлъ, Іосифъ Съмашко съ величайшею энергіею преданъ новому дѣлу. Предсѣдатель департамента митрополитъ Булгакъ и прочіе члены мало занимались дѣлами, первый по причинѣ старости, а послѣдніе — предпочитали занятіямъ желаніе съ удобствомъ воспользоваться столичною жизнію. Молодой членъ грекоуніат. департамента изъ лужкой епархіи сразу это замѣтилъ и всѣ дѣла по департаменту забралъ въ свои руки. Правота и честность, вложенныя въ него съ дѣтства благородными родителями—служили руководителями во всѣхъ рѣшеніяхъ департаментскихъ дѣлъ. Эти качества придавали Съмашкѣ необычайную смѣлость, въ силу которой онъ не уступалъ даже предъ весьма сановитыми личностями. Онъ не только проводилъ, но даже и отстаивалъ свои справедливыя „мнѣнія“, хотя бы они были наперекоръ всѣмъ членамъ и предсѣдателю департамента. Для примѣра мы укажемъ на одно такое дѣло, гдѣ Іосифъ Съмашко проявилъ себя, какъ истинный поборникъ правды и нелицепріятный судія. Не должно забывать еще, что все это онъ сдѣлалъ въ первые дни своей службы въ греко-уніатскомъ департаментѣ. На полоцкаго уніатскаго архіепископа Красовскаго послѣдовалъ въ департаментъ доносъ. Его обвиняли

въ нетрезвой жизни и какихъ-то будто-бы несправедливыхъ поступкахъ относительно нѣкоторыхъ духовныхъ, ему подвѣдомственныхъ. На самомъ же дѣлѣ Красовскій былъ невиненъ; это былъ умный, энергичный и вполне самостоятельный человѣкъ, но за это-то судьи и были имъ недовольны. Митрополитъ Булгакъ имѣлъ съ нимъ еще какіе то личные счеты и кромѣ того желалъ воспользоваться богатою его Полоцкою епархіей. Другіе же епископы, члены суда, не любили его за то, что онъ былъ первый архіерей изъ бѣлаго уніатскаго духовенства, и что онъ сильно заботился о независимости своей церкви отъ римскаго порабошенія. Наконецъ Красовскаго почему-то сильно не взлюбилъ тогдашній министръ духовныхъ дѣлъ кн. Голицынъ. Въ виду всего этого архіепископа всячески старался подавить. Еще прежде суда его увоили отъ епархіи, свидѣтелей пригласили по указанію самого доносчика, хотя архіепископъ открыто заявилъ, что это его личные враги. Самыя же обвиненія были настолько неопредѣленны мелочны, „что я, пишетъ митрополитъ Іосифъ, не принялъ бы ихъ за рѣшительныя доказательства и въ отношеніи какого-либо причетника, а не архіерея“. Тѣмъ не менѣе всѣ судьи присудили Красовскаго къ окончательному отрѣшенію отъ епархіи. Сѣмашко съ этимъ не согласился, и несмотря на то, что его стращали гнѣвомъ министра, несмотря на то, что онъ подвергался немилости главнаго своего начальника митрополита Булгака, подалъ особое подробное мнѣніе, да еще одного изъ товарищей своихъ, членовъ экстреннаго суда, убѣдилъ присоединиться къ себѣ. Благодаря этому мнѣнію Красовскій былъ помилованъ и получилъ въ управленіе лучшую епархію. Когда узнали члены уніатскаго департамента твердость характера Сѣмашки, его неподкупный образъ дѣйствій, то стали во всемъ ему вѣрить. Даже римско-католическій департаментъ, прежде присылавшій, когда дѣла требовали совмѣстнаго рѣшенія обоихъ департаментовъ, бумаги въ уніатскую коллегію только „для подлиси“, сталъ побаиваться молодого уніатскаго дѣльца. Тамъ, гдѣ „пользы и права“ уніатской церкви были попираемы католиками, Сѣмашко смѣло возставалъ и заставлялъ измѣнять вредныя уніатскія постановленія, поставленныя самонадѣянно въ римско-католическомъ департаментѣ. Столь полезная дѣятельность неутомимаго уніата не могла быть незамѣчена свыше, и вотъ въ

1829 г., иманнымъ указомъ Его Императорскаго Величества Іосифъ Сѣмашко былъ назначенъ во епископа Бѣлорусской епархіи (викаріемъ), съ оставленіемъ присутствія его въ коллегіи, когда будетъ въ Петербургѣ; въ какомъ санѣ (епископа) и пробылъ до 68 г., бывъ награжденъ въ теченіи этого времени званіемъ архіепископа (1839 г.), и митрополита (съ 1852 г.) Литовской епархіи. Нечего уже и говорить о томъ, какъ важно было это назначеніе Сѣмашки, Несмотря на его молодость (онъ имѣлъ въ это время всего лишь 31 годъ) правительство надѣялось, и не безъ основанія, что такой ревностный дѣлецъ принесетъ еще большую пользу; оно уже знало его правдивыя намѣренія, клонящіяся ко благу церкви¹⁾. И дѣйствительно, мощная натура Сѣмашки получила теперь широкій просторъ для дѣятельности. Прямота и открытый характеръ его проявились теперь съ еще большею силою. Лица, и выше и ниже его стоявшія по положенію, съ которыми приходилось Сѣмашкѣ такъ или иначе сталкиваться — ощущали исключительно ровность въ обращеніи и какое-то неустанное исканіе и требованіе во всемъ строгой справедливости. Его трудно было сбить съ намѣченного разѣ пути, его лозунгъ—*fiat iustitia*—широко освѣщала ему всѣ человѣческія дѣянія, и добрыя и злыя. Благодаря этому принципу въ молодомъ епископѣ развились необычайная зоркость и проницательность, которыя настолько были сильны, что Сѣмашко часто однимъ взглядомъ отгадывалъ и характеръ и расположеніе человѣка. Онъ самъ рассказываетъ про себя, что какъ однажды удивился ему архіепископъ рижскій Платонъ. Въ санѣ архимандрита въ Вильнѣ Платонъ представлялъ Сѣмашкѣ однажды своихъ иноковъ, которыхъ епископъ видѣлъ еще въ первый разъ, и чтоже? Сѣмашко опредѣлилъ ему вѣрно и характеръ и наклонности каждаго! Благодаря этимъ рѣдкимъ качествамъ Сѣмашко никогда не ошибался въ выборѣ нужныхъ себѣ людей; такъ что съ теченіемъ времени въ его епархіи собралось такое духовенство, имѣвъ которое пожелалъ бы любой архіерей въ своей епархіи.

Любопытно еще ближе взглянуть на этого великаго человѣка, на его отношенія къ подвѣдомственнымъ ему лицамъ, на его прекрасныя всестороннія качества души и необыкновенный характеръ.

¹⁾ Изъ докладной записки, поданной на Высочайшее имя въ 1827 г.

При самомъ поступленіи во епископы Сѣмашко поставилъ себѣ задачею узнать все свое духовенство *по-одиночкѣ*. Задача столь же легкая, какъ еслибы какой-нибудь корпусный командиръ задумалъ узнать *curriculum vitae* каждаго изъ своихъ солдатъ! Однако Сѣмашко достигъ этого и даже въ необычайныхъ размѣрахъ. *Собственноручно* онъ сдѣлалъ извлечение изъ послужныхъ списковъ всего своего духовенства. Въ алфавитномъ порядкѣ о каждомъ изъ духовныхъ его епархіи значилось: имя, фамилія, лѣта отъ рожденія; мѣсто служенія, поведение, образованіе и особыя качества. Кромѣ того онъ составилъ такую же записъ о всѣхъ церквахъ Литовской епархіи съ обозначеніемъ: названія церкви, числа прихожанъ и ихъ благосостоянія, количества и качества священнической земли и разстоянія сосѣднихъ церквей своего и другихъ исповѣданій. Наконецъ онъ сдѣлалъ такую же вѣдомость римско-католическимъ церквамъ всѣхъ епархій. Но епископъ не довольствовался этими мертвыми свѣденіями, онъ желалъ знать свое духовенство поближе, *лицомъ къ лицу*. Съ этою цѣлію Сѣмашко чуть не каждое лѣто ѣздилъ по своей епархіи, но такъ какъ обозрѣть ее въ какіе-нибудь два-три мѣсяца не было никакой возможности (въ нее входило до 5 губерній), то онъ чрезъ благочинныхъ назначалъ духовенству въ извѣстныхъ мѣстахъ сборные пункты, куда къ назначенному сроку оно должно было обязательно явиться. Прибывъ въ такое мѣсто, епископъ вступалъ въ разговоры съ духовенствомъ, бесѣдовалъ съ *каждымъ изъ нихъ*, узнавалъ его нужды, преподавалъ, и „не безъ успѣха“, нужныя внушенія и наставленія, провинившимся дѣлалъ мѣткіе строгіе выговоры, такъ что его и любили и боялись. „Однажды, говорить онъ, пріѣзжаю я въ Новгородокъ (Литовскій); здѣсь по моему распоряженію собралось болѣе 60 священниковъ, по лицамъ ихъ я замѣтилъ какой-то умыселъ. Благочинный подноситъ мнѣ просьбу отъ всего духовенства, я ее принимаю со словомъ: *прочитаю послѣ*. Между тѣмъ обращаюсь къ духовенству, что я прибылъ узнать, каково у нихъ служеніе, а прежде всего поцрбую, какъ они читаютъ. Даю псалтырь тому-другому, даю Евангеліе тому-другому—читаютъ плохо, изъ рукъ вонъ. Тутъ я всѣмъ высказалъ горькія истины, а наконецъ прибавилъ: не думаю, чтобъ поданная просьба заключала что умное, когда ее писалъ незнающіе

даже читать. Возвратившись на квартиру, я увидѣлъ, что догадка моя была справедлива: просьба была объ увольненіи отъ служебниковъ (славянской печати). Зову къ себѣ благочиннаго, даю ему строгій выговоръ и предвараю, что будетъ отрѣшенъ и пойдетъ въ монастырь, если чрезъ три дня не привезетъ мнѣ письменнаго отреченія шестидесяти подписавшихся на просьбѣ священниковъ. Въ назначенный срокъ привезена мнѣ отъ нихъ новая просьба, въ которой торжественно отрекаются отъ прежней, обвиняя въ умыслѣ и подстрекательствѣ шестерыхъ зачинщиковъ“ (т. I, стр. 89). Вообще же въ обращеніи съ духовенствомъ Сѣмашко былъ мягокъ и снисходителенъ; это былъ поистинѣ мплостивый отецъ для него. Во всю жизнь свою безъ строгаго разбора дѣла онъ не отрѣшилъ и причетника, а не только священника. Вотъ напр. доносятъ ему на одного іеромонаха „коего пьянство, буйство и вообще нестерпимое поведеніе“—представляютъ совершенную невозможность держать его долѣе въ монастырѣ. Само собою разумѣется, что всякій бы архіерей выключилъ его изъ монашества и все тутъ. Но не такъ поступаетъ нашъ архипастырь. Онъ велитъ пьяницу монаха перевести въ другой, болѣе закрытый монастырь, и предлагаетъ настоятелю онаго слѣдующимъ образомъ поступать съ нимъ: „какъ скоро окажется онъ іеромонахъ въ пьяномъ видѣ, то долженъ быть подвергнутъ заключенію въ безопасной монастырской комнатѣ въ первый разъ на четыре, въ другой на шесть, въ третій на восемь дней и такъ далѣе, прибавляя всякій разъ по два дня, и въ теченіе таковаго заключенія первую половину онаго, чтобы содержимъ былъ всякій разъ на хлѣбъ и водѣ, да сверхъ того доставляемы ему были какъ лѣкарственныя пособія, такъ и душеспасительныя наставленія, а въ особенности прекращена всякая сторонняя доставка крѣпкихъ напитковъ“. Означенныя средства владыка совѣтуетъ прилагать къ пьяницѣ іеромонаху, въ теченіе 15 мѣсяцевъ и только тогда уже, если онъ не исправится, предлагаетъ поступить по закону (III т., 38 стр.). Или вотъ доносятъ ему на одного протоіерея многолюднѣйшаго прихода, который (протоіерей) также сильно пьянствуетъ, даже требы совершаетъ въ нетрезвомъ видѣ. Изъ архипастырскаго отношенія видно, что этому протоіерею были дѣлаемы неоднократно внушенія и наставленія. Вла-

дыка и опять дѣлаетъ ему внушеніе, убѣдительнѣйше просить исправиться. „Если же, говоритъ онъ, *вы* не чувствуете себя въ силахъ къ этому спасительному обновленію, то *я вамъ советую* проситься безотлагательно въ монастырь или же на другой приходъ, не столь видный“ (т. III, стр. 1075—76). Къ пьяницѣ, не стоящему быть-можетъ по взгляду всякаго другаго администратора, вниманія—какое деликатное и какое нѣжно-отеческое отношеніе! Да, Сѣмашко любилъ свое духовенство, входилъ всегда въ жизнь его, наставлялъ разумно, словомъ убѣжденія, а не мѣрами внѣшняго насилія. Съ своей стороны и духовенство внимало его наставленіямъ, и въ силу ихъ бросало привычки, даже рѣдко искоренимыя. Вотъ тому примѣръ. Доносится до Сѣмашки, слухъ, что среди его духовенства очень распространено куреніе табаку. Какъ искоренить эту привычку? Владыка дѣлаетъ кроткое воззваніе. Онъ руководится здѣсь не фанатическимъ предубѣжденіемъ, а имѣетъ въ виду исключительно благосостояніе духовенства. „По самому меньшему исчисленію, говоритъ онъ, на табакъ должно выходить въ годъ не менѣе тридцати рублей, а это четвертая часть священническаго жалованья, и на эти деньгі можетъ онъ улучшить для своей семьи пищу и одежду, обыкновенно бѣдныя“ (т. I, 231; т. II, 590). Съ этою цѣлію владыка предложилъ консисторіи: а) отъ каждаго представляемаго къ рукоположенію во діаконы или священники брать подписки, что они не будутъ курить табаку ни въ какомъ видѣ; б) чрезъ благочинныхъ и настоятелей монастырей внушить всему бѣлому и монашествующему духовенству, чтобы курильщики табаку—оставили это по уваженію къ выше прописанному, отъ изъяснившихъ же на это желаніе взять письменныя подписки; в) сообщить въ правленіе семинаріи, чтобы оно предприняло мѣры къ искорененію табакокурения среди воспитанниковъ (т. II, стр. 590—91). Духовенство вняло этому архипастырскому увѣщанію и чрезъ благочинныхъ дало подписку бросить курить табакъ; только десять священниковъ объявили желаніе продолжать куреніе табаку. Владыка письменно поблагодарилъ духовенство „за столь всеобщую добрую рѣшимость отказаться отъ табакокурения“, относительно же десяти отщепенцевъ распорядился такъ: правленія духовныхъ училищъ и семинаріи не должны были принимать дѣтей ихъ на казну, такъ какъ лица, имѣющія средства на приобрѣ-